

УДК 347

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2024 г. В. В. Момотов

Верховный Суд Российской Федерации, г. Москва

E-mail: momotov_vv@vsrf.ru

Поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Аннотация. В настоящей статье анализируется феномен социализации правосудия, его идеологические и исторические истоки, а также положение дел с осуществлением правосудия в современной России. При анализе развития гражданского процесса прослеживаются причины перехода в странах континентальной Европы в течение XX в. от либерального к социальному типу процесса, который имел своей целью восполнение фактического неравенства сторон за счет активной роли суда. Выделяются основные черты социального типа процесса и определяется его соотношение со следственным (розыскным) процессом. На примере отечественного законодательства демонстрируется переход от либеральной модели Устава гражданского судопроизводства 1864 г. к социальной модели гражданских процессуальных кодексов РСФСР 1923 и 1964 гг. Обосновывается авторская точка зрения относительно преимуществ и недостатков советского законодательства, демонстрируется его двойственный характер, который был связан с излишней активностью суда при одновременном сохранении фундаментальных состязательных и диспозитивных начал. В заключительной части статьи автор выявляет юридические основания социализации правосудия в Российской Федерации. С опорой на положения Конституции РФ, процессуального законодательства и правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ доказывается, что целый ряд институтов российского права воспроизводят логику социализации гражданского процесса. Отмечается, что потребность в установлении в процессе объективной истины предопределяет необходимость отказа от либеральной модели, которая не соответствует опыту ведущих европейских государств.

Ключевые слова: социализация правосудия, социальный тип гражданского процесса, либеральный тип гражданского процесса, Франц Кляйн, принцип состязательности, принцип диспозитивности, принцип объективной истины, активная роль суда.

Цитирование: Момотов В. В. Социализация правосудия как вектор развития гражданского процесса: история и современность // Государство и право. 2024. № 7. С. 126–140.

DOI: 10.31857/S1026945224070113

SOCIALIZATION OF JUSTICE AS A VECTOR OF DEVELOPMENT OF THE CIVIL PROCESS: HISTORY AND MODERNITY

© 2024 V. V. Momotov

Supreme Court of the Russian Federation, Moscow

E-mail: momotov_vv@vsrf.ru

Received 12.04.2024

Abstract. This article analyzes the phenomenon of socialization of justice, its ideological and historical origins, as well as the state of affairs with the administration of justice in the modern Russian Federation. The analysis of the development of the civil process traces the reasons for the transition in the states of continental Europe during the 20th century from a liberal to a social type of process, which aimed to compensate for the actual inequality of the parties due to the active role of the court. The main features of the social type of the process are highlighted and its correlation with the investigative (investigative) process is determined. Using the example of domestic legislation, the transition from the liberal model of the Charter of Civil Procedure of 1864 to the social model of the civil procedure codes of the RSFSR of 1923 and 1964 is demonstrated. The author's point of view regarding the advantages and disadvantages of Soviet legislation is substantiated, its dual nature is demonstrated, which was associated with excessive activity of the court while maintaining fundamental adversarial and dispositive principles. In conclusion, the author identifies the legal grounds for the socialization of justice in the Russian Federation. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, procedural legislation and the legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, it is argued and proved that a number of institutions of Russian law reproduce the logic of socialization of civil procedure. It is noted that the need to establish objective truth in the process determines the need to abandon the liberal model, which does not correspond to the experience of leading European states.

Key words: socialization of justice, social type of civil procedure, liberal type of civil procedure, Franz Klein, the principle of competition, the principle of dispositivity, the principle of objective truth, the active role of the court.

For citation: *Momotov, V.V. (2024). Socialization of justice as a vector of development of the civil process: history and modernity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 126–140.*

Идеологические основания процессуального права

Любые правовые нормы, в том числе и нормы процессуального права, являются отражением определенных идеологических ценностей. Как отмечает А. В. Аргунов, «политическая идеология призвана артикулировать исходные, базовые ценности общества. Доминирующие ценности, воплощенные в разделяемой обществом идеологии, оказывают влияние не только на решения, принимаемые политиками в рамках законодательного процесса, но и на решения, принимаемые в своей работе юристами: судьями, адвокатами, учеными и др.»¹. Особое значение идеологическое содержание норм приобретает при кодификации законодательства. Кодифицированный акт должен не просто представлять собой совокупность норм, но и выражать определенные принципы.

Поэтому, по нашему мнению, юристам не следует категорически отвергать привнесение политических начал в юридические конструкции. Правовая норма всегда имеет перед собой определенную цель, и определение и анализ этих целей также может являться предметом юридических исследований. С учетом этого игнорирование идеологической составляющей правовых норм является контрпродуктивным самообманом. Напротив, следует уделять особое внимание выделению таких стержневых идей, пронизывающих весь нормативный правовой акт, и анализу того, насколько

целесообразно руководствоваться ими в нынешних условиях.

Некоторые юристы, которые скептически относятся к политико-правовому анализу, полагают, что следование юридической догматике придает их взглядам ценностно-нейтральный характер, что они перестают быть связаны с той или иной политической идеологией. Устоявшиеся в праве конструкции нередко воспринимаются юристами в качестве самоочевидных, но в действительности не являются таковыми. Даже немецкие пандектисты, результатом работы которых стала догматизация гражданского права, не были свободны от идеологических предубеждений. Предложенная ими система юридических конструкций служила реализации определенной политической повестки, хотя они, конечно, предпочитали об этом умалчивать (а зачастую, возможно, и сами не осознавали детерминированности своих правовых воззрений политическими)².

Все вышесказанное вполне применимо и к гражданскому процессу, который является объектом

¹ Аргунов А. В. О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // СПС «КонсультантПлюс».

² Как подмечает А. Г. Карапетов, «внимательный читатель, который начинает обращать внимание на то, почему те или иные римские нормы пандектистами догматизировались, а другие предавались забвению, мог осознать, что рецептивная избирательность и само направление процесса формирования логических конструкций, возводившихся пандектистами на основе обобщения римских норм, отражали доминирующие в среде немецких классических правоведов-цивилистов и близких им интеллектуальных и экономических кругах идеологические предпочтения, этические установки и экономические теории (в первую очередь ценности *laissez-faire*, включая невмешательство государства в свободу экономического оборота)» (см.: Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 17, 18).

анализа в данной статье. Как пишут словацкие ученые М. Штевчек и Т. Габрис, «необходимость объединяющей концепции, определяющей основные параметры гражданского процесса, на наш взгляд, является безусловной. В противном случае неосмысленный комплекс норм казуистического характера приводит к неясности конечного результата работы по изменению законодательства. Отсутствие базовой системы ценностей дополнительно делает практически невозможным последовательное толкование права как на доктринальном, так и на прикладном уровне»³. С учетом этого представляется необходимым определить на теоретическом уровне те модели, на которых может основываться гражданский процесс, и проанализировать, каким образом они повлияли на законодательство Российской Федерации и зарубежных государств.

История гражданского процесса может быть условно разделена на несколько основных этапов. Длительное время во всех европейских странах безраздельно господствовал следственный (розыскной, инквизиционный) процесс. Но с XIX в. начинается становление состязательного процесса, который, в свою очередь, эволюционно разделился на два типа: либеральный и социальный⁴. Российским юристам хорошо известна типологизация процесса на состязательный и следственный. Между тем выделение либеральной и социальной моделей процесса встречается гораздо реже, хотя в последнее десятилетие целый ряд авторов уделили внимание данной классификации. Со своей стороны отметим, что возможность выделения самостоятельного социального типа гражданского процесса подтверждается при компаративном анализе германской и романской традиций континентального права. Именно поэтому его анализ мы начнем с исследования исторически сложившихся различий между германской и французской доктриной в сфере гражданского процесса.

Прежде всего, в части модели построения процессуальных правоотношений германская доктрина традиционно исходила из того, что гражданский процесс относится к сфере публичного права, поскольку у сторон процесса возникают вертикальные правоотношения с судом, а между самими сторонами существуют не процессуальные, а лишь материальные правоотношения. Французская доктрина исторически делала акцент на том, что гражданский процесс — это форма защиты гражданских (частных) прав, поэтому он

является частным делом и выражает интерес прежде всего самих сторон процесса, а не государства. Такой подход согласуется с материально-правовой теорией иска, в рамках которой он является выражением частнопроводного интереса (субъективного права, существующего в рамках материальных правоотношений)⁵.

Именно Франция в свое время стала образцом либерального типа процесса: французский Гражданский процессуальный кодекс 1806 г. наиболее полно выразил данную модель, усилив с ее помощью принцип состязательности. Как отмечает О.И. Золотова, «либеральный тип состязательной модели исходит из понимания гражданского процесса как борьбы независимых граждан, которые самостоятельно выбирают путь решения их конфликта. Этим постулатом обуславливается и место суда как независимого и беспристрастного арбитра. Суду предоставляются минимальные полномочия в процессе. Соответственно, его главными героями являются стороны»⁶. Таким образом, можно по аналогии с уголовным процессом говорить о разграничении функций различных участников гражданского судопроизводства, своего рода «разделении труда», в рамках которого суду отводится особая функция осуществления правосудия.

Выгоды состязательности довольно очевидны: именно заинтересованным лицам лучше всех известны фактические обстоятельства рассматриваемого судом дела и именно им легче всего собрать доказательства, которые подтвердят их позицию по делу. В свою очередь, практически неограниченная активность суда, свойственная следственному процессу, имеет негативные последствия, поскольку суд фактически становится участником спора сторон и в силу этого утрачивает независимость и беспристрастность. Поэтому французская модель стала образцом для большинства других кодификаций, которые преследовали цель реформирования гражданского процесса, в том числе для отечественного Устава гражданского судопроизводства 1864 г.⁷

Но постепенно стали очевидны недостатки либерального типа процесса, что привело к становлению социального типа процесса. Он был обоснован австрийским процессуалистом Ф. Кляйном в 1890 г., а позднее нашел отражение в Гражданском процессуальном уложении Австрии 1895 г. Кляйн полагал, что разрешение споров не является

³ Števček M., Gábris T. The Recast Civil Procedure and Legacy of Franz Klein in the Slovak Republic // *European Journal of Transformation Studies*. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 108.

⁴ См.: Золотова О.И. Реформирование гражданского судопроизводства в России в конце XIX века: признаки социализации // *Актуальные проблемы рос. права*. 2014. № 6. С. 1033.

⁵ См., в частности: Сахнова Т.В. Actio — litis contestatio — res iudicata — jus: в контексте реформ континентального процесса // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2011. № 4.

⁶ Золотова О.И. Указ. соч. С. 1033.

⁷ См.: Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. М., 2016. С. 444.

единственной целью судопроизводства, а служит общему благу (*Wohlfahrtsfunktion*). С этой точки зрения, «господство [сторон] над содержанием процесса – это право направлять судью к ошибочному либо лишь относительно правильному или неточному решению»⁸. Формальное равенство сторон не означает равенства фактического, так что либеральный процесс с характерной для него пассивностью суда может привести к нарушению интересов слабой стороны. Поэтому процессуальные формальности должны быть отодвинуты на второй план, и судья должен не только отвечать за ведение процесса, но и принимать участие в сборе доказательств.

Может возникнуть ощущение, что концепция Кляйна приводит к эрозии принципов состязательности и диспозитивности, которые после длительного доминирования розыскного процесса стали фундаментом судопроизводства XIX в. Действительно, в рамках социализации процесса в состязательный процесс были имплементированы отдельные следственные начала. Однако важно подчеркнуть, что они не посягают на распоряжительные права сторон процесса и не замещают полностью активность самих сторон, а лишь дополняют их. Австрийский процессуалист В. Рехбергер подчеркивает, что социальная функция гражданского судопроизводства выражалась у Кляйна не в неограниченной активности суда, а в *принципе сотрудничества между судом и сторонами* (*Kooperationsmaxime*). ГПУ Австрии 1895 г. вполне в духе состязательного процесса предусматривало, что стороны должны обосновать свои требования путем указания на фактические обстоятельства и представить соответствующие доказательства, в то время как судья по общему правилу не вправе устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, на которые не ссылались стороны⁹. В то же время суд не отказывается от возможности (и обязанности) при необходимости самостоятельно предпринимать усилия по приближению к действительным материально-правовым отношениям сторон.

Таким образом, цель социализации правосудия – отнюдь не отказ от состязательности, а восполнение ее неудовлетворительных результатов со стороны суда в тех случаях, когда сама сторона по объективным причинам не может должным образом представить свою позицию в ходе процесса. Частноправовой интерес сохраняет системообразующее значение для возбуждения и движения гражданского дела, однако государство оказывает содействие в его реализации. Соответственно, процессуальное равенство сторон не является

панацеей. Далеко не всегда они обладают равными возможностями по доказыванию своей позиции, особенно когда одним из участников спора является простой гражданин, а другим – крупная корпорация или государство. Если в таких спорах суды будут занимать пассивную позицию, а законодательство будет игнорировать подобное неравенство, равноправие окажется несовместимо с подлинной состязательностью судопроизводства.

На протяжении XX в. австрийский опыт социализации судебного процесса был воспринят сначала в Германии, а потом и в ряде других европейских государств (не стала исключением и Франция). Даже в Англии принятые в 1999 г. Правила гражданского судопроизводства трансформировали традиционный для английского права состязательный характер судопроизводства, значительно расширив полномочия судьи по ведению процесса, и, как следствие, приблизив его к континентальным моделям. Таким образом, ныне социальный тип процесса не только стал доминирующим в континентальной Европе, но и пустил корни даже в *common law*.

Теперь, после краткого обзора сущности социального правосудия, необходимо рассмотреть еще один вопрос. В российской юридической науке в настоящее время отсутствует четкое понимание того, как соотносятся две классификации процесса: *с одной стороны*, на состязательный и следственный, а *с другой* – на либеральный и социальный. А. В. Аргунов, например, полагает, что указанные «классификации пересекаются, поскольку содержательно основываются на степени активности суда в процессе»¹⁰. При этом, по его мнению, социальный тип процесса может существовать как при состязательном, так и при следственной модели процесса. Однако он не поясняет, почему необходимы две классификации, если обе они основаны, как он утверждает, на критерии степени активности суда в процессе. Необходимо провести более четкую границу между ними, в противном случае социальный процесс (который, по общему признанию, характерен для ряда государств с состязательным типом судопроизводства) может ошибочно отождествляться со следственным.

Другие авторы проводят указанную границу на основе различных критериев. Так, голландский профессор Р. ван Рее придерживается мнения, что специфические черты социального типа процесса связаны отнюдь не только с активностью суда в процессе доказывания. Он выделяет пять ключевых идей Кляйна, направленных на социализацию процесса: 1) снижение роли предварительной защиты ответчика в форме обязанности

⁸ *Rechberger W.H.* Die Ideen Franz Kleins und ihre Bedeutung für die Entwicklung des Zivilprozessrechts in Europa // *Ritsumeikan Law Review*. 2008. No. 25. P. 103.

⁹ См.: *ibid.*

¹⁰ *Аргунов А.В.* Указ. соч.

представления возражения на иск; 2) полномочия судьи по руководству процессом, которые обеспечивают короткие сроки совершения процессуальных действий, и по расследованию фактических обстоятельств дела; 3) разделение процесса на письменную подготовительную стадию и устную основную стадию; 4) строгое соблюдение принципа преклюзии, согласно которому процессуальные действия не могут быть совершены после истечения установленного срока; 5) уведомление ex officio стороны-оппонента о процессуальных документах, представленных в суд. Данные идеи, с его точки зрения, свидетельствуют о том, что Кляйн преимущественно искал баланс между полномочиями судьи и сторон, но отнюдь не призвал к отказу от состязательного процесса¹¹.

Схожего мнения, по всей видимости, придерживается и С. В. Лазарев, который посвятил вопросам судебного управления движением дела монографию и диссертацию. Он указывает, что в Австрии, Германии и других странах континентальной Европы «роль суда... при движении дела становится все более активной в ответ на чрезмерную длительность и задержки в отправлении правосудия (возникшие, в том числе, и в результате бездействия суда по управлению ходом процесса)»¹². Иными словами, он связывает социальную направленность процесса в первую очередь с вышеназванным принципом преклюзии, с ускорением судебного разбирательства. О том же пишет и Р. ван Рее: «Его [Ф. Кляйна] целью было создание процессуальных норм, которые способствовали бы быстрому и дешевому судебному разбирательству...».

Иначе обосновывает отличие социального состязательного процесса от следственного Т. В. Сахнова. Она полагает, что «активная роль суда в тех странах, где она приветствуется законодательно (немецко-австрийский процесс), вполне сочетается с состязательным началом. Иными словами, следует различать следственность и активную роль суда в методах цивилистического процесса»¹³. Она также указывает, что «состязательность не сводима к доказательственной сфере и исключительной — вне судебных контроля и координации — инициативе сторон в процессуальных действиях»¹⁴. Таким образом, она исходит из того, что активная роль суда сама по себе не свидетельствует

о следственном характере процесса. Однако она не поясняет свою мысль достаточно подробно, поэтому остается не вполне понятным, каким именно образом она разграничивает следственность и активную роль суда.

По нашему мнению, отличием, которое не позволяет социальному состязательному процессу перерасти в следственный, является *субсидиарный характер активности суда*. Ключевой частью процесса доказывания остается представление доказательств самими сторонами процесса, в то время как суд вмешивается в него только для содействия сторонам и восполнения очевидных пробелов в доказательственном материале. Кроме того, более сильная позиция судьи в социальном процессе минимальным образом затрагивает распорядительные права сторон (то есть принцип диспозитивности), начиная с права на предъявление иска и заканчивая правом истца на отказ от иска и правом ответчика на признание иска. При этом трудно отрицать, что важной особенностью социального процесса является привнесение отдельных начал следственного процесса в процесс состязательный (хотя, как уже было сказано, это не единственная особенность). Состязательность не является самоцелью, поэтому использование отдельных элементов следственного процесса не должно вызывать удивление. Важно только подчеркнуть, что эти «социально-следственные» начала *не должны подрывать состязательную сущность процесса*, а должны органично ее дополнять.

Итак, нами были выявлены основные черты либерального и социального типов гражданского процесса, обосновано соотношение данной классификации с делением процесса на состязательный и следственный типы. Кроме того, мы в общих чертах рассмотрели, как указанные модели организации судопроизводства повлияли на законодательство зарубежных государств. Теперь проанализируем, каким образом было организовано гражданское судопроизводство в пореформенные десятилетия отечественной истории и как в дальнейшем происходила социализация гражданского процесса в советский период и его последующая либерализация в период постсоветский.

Идея социализации процесса в истории отечественного законодательства

Как отмечалось ранее, во французской правовой традиции (на которой основывалось и пореформенное российское законодательство) гражданский процесс воспринимался как форма защиты частных прав, своего рода логичное продолжение материального гражданского права. Поэтому в УГС 1864 г. судебная активность ограничивалась ведением процесса судом в качестве

¹¹ См.: Rhee van C.H. Civil Litigation in Twentieth Century Europe // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 2007. Vol. 75. No. 3. P. 309.

¹² Лазарев С. В. Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 76.

¹³ Сахнова Т. В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.

¹⁴ Там же.

публично-властного органа и не предполагала какого-либо вмешательства суда в процесс доказывания. Как указывал Е.В. Васьковский, суд не вмешивается в процесс реализации сторонами своих распорядительных прав, но если они принимают решение об их использовании, то суд наблюдает, чтобы процессуальные действия были совершены «правильно, в определенном порядке, без ущерба для нормального и быстрого хода производства. Таким образом, принцип судейского руководства процессом возлагает на суд заботу об обеспечении правомерности, последовательности, удобства и быстроты производства»¹⁵.

Что касается процесса доказывания, то ст. 367 УГС в предельно жесткой форме устанавливала, что суд *ни в каком случае* не собирает сам доказательства или справки, а основывает решение исключительно на доказательствах, представленных тяжущимися. При этом, согласно ст. 368 Устава, если суд полагал, что для некоторых приведенных ими обстоятельств, существенных для разрешения дела, не представлено доказательств, то он объявлял об этом тяжущимся и объявлял срок для разрешения вышеуказанных обстоятельств. Причем Правительствующий Сенат нередко толковал данную статью в том смысле, что суд может указать тяжущимся лишь обстоятельство, которое должно быть доказано, но не вправе указывать, какими доказательствами это можно сделать¹⁶.

Несмотря на критику такого подхода некоторыми учеными, К.Н. Анненков отмечал, что он соответствовал намерениям составителей УГС¹⁷. Он объяснял предусмотренные им правила доказывания следующим образом: «Составители уставов, сознавая вполне весь вред, причиняемый скорому движению процесса и правильному отправлению правосудия правилами прежнего порядка гражданского судопроизводства, обязывавшими сами судебные места пополнять дела справками и доказательствами и боясь, чтобы судебные традиции в этом отношении не повлияли, по крайней мере, на первое время, и на новые судебные учреждения, сочли за лучшее выразить в новом уставе прямое воспрещение суду собирать справки и доказательства»¹⁸. Таким образом, в пореформенный период обязанность по сбору и представлению доказательств сознательно целиком возлагалась на стороны, в то время как роль суда оставалась по большей части пассивной. Такой

подход соответствует либеральной модели состязательного процесса.

В советский период сущность гражданского процесса претерпела существенные изменения. Большинство ученых сходятся во мнении, что советское процессуальное законодательство ознаменовало собой значительную корректировку диспозитивных и состязательных начал судопроизводства. Ленинский принцип «мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»¹⁹ делал невозможным отношение к гражданскому процессу как к простому средству защиты частных прав. Напротив, и доктрина, и законодательство подчеркивали значимость защиты общественных интересов как цели гражданского процесса.

Подобное отношение к целям процесса четко прослеживается уже в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 г. Его нормы носили ярко выраженный социально ориентированный характер. Так, в ст. 5 Кодекса было установлено, что суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся и способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимися активное содействие и к ограждению их прав и законных интересов, дабы юридическая неосведомленность, малограмотность и подобные тому обстоятельства не могли быть использованы им во вред. В качестве логичного следствия такого подхода ст. 118 ГПК РСФСР допускала сбор доказательств не только самими сторонами, но и по инициативе суда.

Примечательно, что в данном случае сбор доказательств судом даже не ставился в зависимость от недостаточности доказательств, представленных сторонами. Это позволяет говорить о создании законодателем предпосылок для «упреждающей» активности суда, независимо от степени активности самих сторон. Таким образом, суд выступал в качестве полноценного субъекта процесса доказывания, что демонстрирует высокое значение социальных начал в процессе того периода. В то же время было бы преувеличением говорить о переходе к следственному типу процесса, как минимум потому что ГПК РСФСР в качестве общего правила закреплял обязанность каждой стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений (ст. 118), и допускал представление новых доказательств после начала разбора дела только в случае

¹⁵ Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 353.

¹⁶ См.: Боровиковский А.Л. Отчет судьи. Т. 3. Дела мужичьи. СПб., 1909. С. 30.

¹⁷ См.: Анненков К.Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. О доказательствах. СПб., 1887. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.Н. Курскому: 17 мая 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.

признания судом причин задержки уважительными (ст. 106).

Специфика ГПК РСФСР 1923 г. проявилась также в ограничении действия принципа диспозитивности. Это неудивительно, поскольку именно принцип диспозитивности наиболее прочно связан с материально-правовым фундаментом гражданского процесса, который при советской власти претерпел радикальные изменения²⁰. В определенной мере относилось к принципу диспозитивности содержание ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г., которая оправдывала выход решения суда за пределы исковых требований. При этом законодатель не решился предусмотреть возможность возбуждения гражданских дел по инициативе суда. Однако, отказавшись от инквизиционной роли суда, он предусмотрел широкие полномочия прокурора. Так, в ст. 2 ГПК РСФСР указывалось, что прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, *по его мнению*, этого требует «охрана интересов государства или трудящихся масс». При этом прокурору не требовалось наличия просьбы лица, в чьих интересах возбуждалось гражданское дело. Фактически прокурор наделялся ничем не ограниченным правом выступать в качестве процессуального истца, что, конечно, представляло собой значимое отступление от диспозитивных начал процесса. Более того, прокурору предписывалось проявлять активность в установлении фактов нарушения прав трудящихся, не ждать поступления жалобы, а самому «идти в рабочие массы», выясняя, не требуется ли его вмешательство в целях устранения выявленных нарушений²¹.

Впрочем, говорить о полном отказе от принципа диспозитивности было бы некорректным. «Основные положения диспозитивности советского гражданского процесса, — пишет А.Ф. Воронов, — были не только законодательно закреплены, но и научно обоснованы уже к концу 20-х гг.

²⁰ При этом «отождествление понятия и природы диспозитивного и состязательного начал и объяснение их особенностями гражданских правоотношений, — пишет О.П. Чистякова, — является неверным и приводит к ошибочным выводам относительно пределов активности суда. Если природу принципа диспозитивности правильно ищут в частном характере общественных отношений, являющихся предметом рассмотрения в гражданском судопроизводстве, то истоки принципа состязательности следует искать в самом процессе, в закономерностях процессуального познания, в необходимости обеспечить установление судебной истины» (см.: Чистякова О.П. Проблема активности суда в гражданском процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 40).

²¹ Цит. по: Котловская Я.С., Хлопаева М.Е. Историческое развитие некоторых принципов гражданского процессуального права советского периода и современной России // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12.

прошлого века»²². В вышеупомянутой ст. 2 ГПК РСФСР 1923 г. были закреплены ключевые распорядительные права. Согласно ей сторона была в любой момент вправе изменить основание иска, увеличить или уменьшить свои исковые требования. При этом ограничение диспозитивности имело место и здесь: возможность отказа стороны от принадлежащих стороне прав и судебной защиты ставилась в зависимость от ничем не ограниченного усмотрения суда.

Таким образом, ГПК РСФСР 1923 г., с одной стороны, недвусмысленно разрешил вопрос о роли суда в пользу его широкой активности и в определенной степени ограничил действие принципов состязательности и диспозитивности. С другой — речь шла именно об ограничении, а не об отказе от соответствующих принципов, которые продолжали составлять фундамент, общее правило гражданского процесса. Поэтому мы полагаем, что встречающиеся в научной литературе характеристики процесса того периода как следственно-го являются ошибочными (об этой довольно-таки распространенной характеристике советского процесса скажем далее).

Ключевые особенности социального типа процесса советского образца были сохранены и развиты в ГПК РСФСР 1964 г. С его принятием произошло окончательное утверждение особого социального процесса, который по своим основным чертам соответствовал европейским веяниям XX в., но шел даже дальше них, отражая идеи советской правовой науки²³. К этому моменту феномен социализации гражданского процесса получает в ней полноценное теоретическое осмысление, в особенности в работах А.Ф. Клейнмана. Прежде всего обращает на себя внимание его представление о целях гражданского процесса. По его словам, указанные цели советская юридическая наука определяла, «гармонически сочетая интересы социалистического общества и советских граждан», исходя из того, что правосудие «защищает права и интересы всего советского народа»²⁴. Он также пишет, что «основные задачи суда в гражданском процессе — это защита общественной социалистической собственности и социалистических отношений, исходя из которых гражданский суд разрешает каждое гражданское дело»²⁵. Таким образом,

²² Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 204.

²³ См.: Сахнова Т.В. О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.

²⁴ Клейнман А.Ф. Предмет науки советского гражданского процессуального права // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 61.

²⁵ Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учебник для юридических школ и курсов. М., 1940. С. 26.

в силу публицизации отраслей частного права и фактического упразднения частного права как такового «при разрешении гражданско-правовых споров государство не может быть пассивным, а должно вмешиваться, должно защищать интересы государства и трудящихся масс»²⁶. Более того, Клейнман также отстаивал активность и инициативу в процессе не только суда, но и прокуратуры и общественных организаций.

С учетом этого Д.Я. Малешин констатирует, что советское процессуальное законодательство стало ярким примером коллективистского понимания целей гражданского процесса, которое отдавало приоритет общественным интересам перед частными²⁷. С точки зрения выявления идеологических основ советского права именно анализ целей, которые ставил перед собой советский законодатель, позволяет сформулировать выводы о сущности процесса. Так, в ст. 2 ГПК РСФСР 1964 г. к задачам гражданского судопроизводства было отнесено правильное и быстрое рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях охраны общественного и государственного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Примечательно, что указание на защиту прав и законных интересов граждан и организаций в данной статье содержится не *до*, а *после* указания на защиту государственных интересов, что лишний раз подтверждает приоритеты советского законодателя в рассматриваемый период.

Важной частью научного наследия Клейнмана стала и его трактовка *принципа объективной истины*, который являлся ключевым инструментом социализации советского гражданского процесса и позволял суду выходить за рамки исковых требований и самостоятельно собирать доказательства. При этом он не сразу стал рассматриваться ученым именно в качестве самостоятельного принципа. Еще в 1940 г. Клейнман писал, что решение, которое выносится судом, должно соответствовать обстоятельствам дела, существовавшим в действительности, однако он включал данное требование в содержание принципа состязательности. Позднее, в 1954 г., он выделяет объективную истину уже в качестве самостоятельного принципа гражданского процесса. По его словам, «принцип объективной истины состоит в том, что суд при разбирательстве и разрешении дела должен ставить своей целью установить фактические обстоятельства, имевшие место в действительности, должен всемерно стремиться к выяснению действительных взаимоотношений сторон, а судебное решение должно основываться на достоверно

установленных, т.е. доказанных обстоятельствах дела»²⁸. На наш взгляд, с учетом идеологических оснований советского процесса было бы правильнее говорить о *принципе процессуальной активности суда*, который, в свою очередь, есть одно из *средств установления* объективной истины. Впрочем, указанная терминологическая разница, как представляется, не является принципиальной.

Принцип объективной истины к моменту его выдвижения Клейнманом, по сути, уже был закреплен в вышеупомянутой ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г. Ее «преемником» в обновленном законодательстве стала получившая широкую известность ст. 14 ГПК РСФСР 1964 г., в соответствии с которой суд был обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон. Относительно процесса доказывания в ст. 50 ГПК РСФСР было предусмотрено, что доказательства представляются прежде всего сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Однако если они недостаточны, суд был вправе собрать дополнительные доказательства по своей инициативе.

Важнейшим вопросом, как и в случае ГПК РСФСР 1923 г., является соотношение указанных норм с принципом состязательности. Здесь позиции разных отечественных исследователей расходятся. Некоторые однозначно характеризуют процесс по ГПК РСФСР 1964 г. как следственный, в то время как другие критикуют преувеличение роли следственных начал в этом ГПК. Так, Т.В. Сахнова обращает внимание на то, что ст. 14 ГПК РСФСР «на суд никогда законом не возлагалось обязанности по наполнению дела доказательствами — это всегда была прерогатива сторон в контексте реализации обязанности доказывания (но не обязанности представления доказательств — как в немецком процессе). Однако суд обязан был содействовать в реализации сторонами их процессуальных прав и обязанностей, но в пределах своих собственных функций, не заменяя полномочием *ex officio* инициативы сторон»²⁹. По ее мнению, ч. 1 ст. 50 ГПК РСФСР демонстрирует, что в советском процессе сохранялось свойственное принципу состязательности разграничение функций суда и сторон.

Действительно, если исходить из буквального толкования ст. 50 ГПК РСФСР 1964 г., то активность суда носила субсидиарный характер по отношению к активности сторон (что мы и обосновывали выше в качестве критерия разграничения

²⁶ Клейнман А.Ф. Гражданский процесс: учеб. для юрид. школ и курсов. С. 27, 28.

²⁷ См.: Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М., 2011.

²⁸ Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс: учеб. М., 1954. С. 55.

²⁹ Сахнова Т.В. Указ. соч.

социального состязательного и следственного типов процесса). Кроме того, в ГПК РСФСР 1964 г. появилась оговорка, которой не было в предыдущем Кодексе: суд обязан принимать все *предусмотренные законом* меры, т.е. в пределах тех полномочий, которые ему предоставлены законом (с учетом соотношения функций суда и сторон в доказывании). С.В. Лазарев также отмечает, что основной массив полномочий суда, вытекающих из принципа объективной истины, не содержал специфики по сравнению с обычным состязательным процессом. По его словам, «за исключением обязанности по обеспечению полноты материалов дела, указанные полномочия не содержат какой-то специфики. Их можно применить к судопроизводству любого периода развития цивилистического процессуального права, в том числе и к современному...»³⁰.

Тем не менее юридическая техника ГПК РСФСР все же вызывает определенные нарекания. Статья 50 ГПК РСФСР не ограничивала реализацию активных полномочий суда какими-либо условиями, кроме недостаточности представленных доказательств. Но очевидно, что недостаточность доказательств «может быть вызвана не только объективными причинами, но и простым нежеланием сторон быть активными в доказывании оснований своих требований и возражений»³¹. В свое время еще дореволюционный правовед А.Л. Боровиковский предельно лаконично выразил данную мысль: «Судья, отличай не желающего от не умеющего отстаивать свое право»³². Неизбирательный подход суда к восполнению пробелов в доказательственном материале, представленном сторонами, нарушает отрицательную обратную связь, приводя к «выученной беспомощности». Стороны процесса могут начать полностью полагаться на активную роль суда и не выполнять свою функцию в процессе доказывания. Представляется, что отчасти именно из-за этой не вполне определенной формулировки на практике принцип объективной истины толковался максимально расширительно³³. На чрезмерный характер активности советского суда, который не может быть обоснован целями

социализации процесса, указывали и некоторые советские ученые³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что гражданское судопроизводство советского периода (как по ГПК 1923 г., так и по ГПК 1964 г.) характеризовалось некоторой двойственностью. С одной стороны, законодательство продолжало основываться на принципах состязательности и диспозитивности (пускай они порой и понимались несколько своеобразно), а с другой — отдельные нормы и в целом реалии советского процесса все же свидетельствуют о том, что активность суда нередко была чрезмерной. Не в последнюю очередь это связано, конечно, и с идеологическими основаниями советского права, отличительной чертой которого было максимально широкое проникновение государства в частные дела граждан в сфере материального права (на что процессуальное право не могло не реагировать).

Социализация правосудия в Российской Федерации

Развитие гражданского процесса в России в постсоветский период было связано с усилением принципа состязательности, что неизбежно означало пересмотр роли суда в процессе. В ч. 3 ст. 123 Конституции РФ закреплено, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. С учетом этого Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ ст. 14 и 50 ГПК РСФСР 1964 г., содержание которых было рассмотрено выше, изложены в новой редакции. Так, в ст. 14 законодатель после долгого перерыва напрямую предусмотрел состязательность сторон в качестве принципа гражданского судопроизводства. В свою очередь, суд должен был лишь создавать необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, однако оказывать содействие сторонам в осуществлении их прав он был вправе в ограниченном числе прямо предусмотренных Кодексом случаев. Согласно ст. 50 доказательства теперь могли представляться лишь сторонами и другими лицами, участвующими в деле. Суд был вправе лишь предложить им представить дополнительные доказательства и по ходатайству оказывать содействие в собирании доказательств, но только в тех случаях, когда сделать это было затруднительно.

В ГПК РФ 2002 г. в целом были отражены примерно те же веяния, связанные с либерализацией процесса. Сегодня главная задача суда, как отмечает В.М. Жуйков, — «организовать такой процесс, в котором лицам, участвующим в деле, были бы созданы все условия для реализации ими

³⁰ Лазарев С.В. Указ. соч. С. 68.

³¹ Чистякова О.П. Указ. соч. С. 137.

³² Боровиковский А.Л. Указ. соч. С. 27.

³³ Нельзя игнорировать и то, какой смысл вкладывала в судебную защиту гражданских прав советская доктрина гражданского процесса. Ведущие ученые-правоведы, такие как А.Ф. Клейнман и М.А. Гурвич, придерживались позиции, что суд, осуществляя правосудие, выполняет свою обязанность перед государством, а не стороной, не только защищает субъективное право, но и охраняет объективное право и т.д. (см. подр.: Боннер А.Т. Избр. труды: в 7 т. Т. 3. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М., 2022. С. 77).

³⁴ См.: там же. С. 82, 83.

своих процессуальных прав и выполнения лежащих на них процессуальных обязанностей»³⁵. В таком виде судебное руководство сформулировано в ч. 2 ст. 12 ГПК РФ. Согласно ей, суд осуществляет руководство процессом и создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Важно подчеркнуть, что это именно *создание условий* для установления объективной истины, которое не предполагает самостоятельного сбора доказательств судом. Это подтверждает ст. 57 ГПК РФ, которая признает в качестве субъектов доказывания только лиц, участвующих в деле.

Вышеописанные изменения в законодательстве дали некоторым ученым основание говорить о переходе Российской Федерации к либеральной модели состязательного процесса (хотя, как правило, ее так не называли) и отказе законодателя от стремления к установлению в рамках судебного процесса объективной истины. Однако недопустимо приходить к таким выводам лишь на основе текстуального анализа положений ГПК РФ, которые закрепляют содержание принципа состязательности и правила доказывания. Следует помнить, что в соответствии со ст. 2 ГПК РФ главной задачей гражданского судопроизводства является *правильное рассмотрение и разрешение гражданских дел*. В доктрине такой подход находил поддержку еще в дореволюционный период. Е. В. Васильковский писал, что «главное требование, которому должен удовлетворять искомой процесс, заключается в том, чтобы он обеспечивал постановление судами правильных решений»³⁶. Но для достижения данной цели суду, очевидно, необходимо установить действительные обстоятельства дела и затем отразить их в законном и обоснованном решении. Что это, если не стремление к объективной истине? Отличие только в том, что теперь оно закреплено не в качестве принципа, а в качестве задачи судопроизводства.

На значение судебного руководства для гражданского процесса обращал внимание и Верховный Суд РФ. В качестве примера можно привести п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»³⁷. Согласно ему судья обязан уже в стадии подготовки дела создать условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств, имеющих значение для правильного

разрешения дела. Судья разъясняет, на ком лежит обязанность доказывания тех или иных обстоятельств, а также последствия непредставления доказательств. При этом судья должен выяснить, какими доказательствами стороны могут подтвердить свои утверждения, какие трудности имеются для представления доказательств, разъяснить, что по ходатайству сторон и других лиц, участвующих в деле, суд оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств. В данном случае мы также видим некоторое проявление процессуальной активности суда, его стремления к установлению действительных обстоятельств дела еще на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а затем и в рамках процесса доказывания (не случайно Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления отсылает к ст. 57 ГПК РФ, которая посвящена представлению и истребованию доказательств). Подобная активность суда, помимо прочего, необходима и для того, чтобы правосудие было предсказуемым, чтобы стороны понимали, как им следует выстраивать стратегию поведения в процессе.

С учетом вышесказанного мы склонны согласиться с теми учеными, которые продолжают рассматривать стремление суда к установлению объективной истины как неотъемлемую часть гражданского процесса. Современное процессуальное законодательство однозначно нацеливает суд на осуществление реальной, а не формальной судебной защиты, а также на реализацию конституционного права на судебную защиту. Другой вопрос — *как эта истина устанавливается в процессе*, какие инструменты вправе использовать законодатель, чтобы они не вступали в противоречие с конституционными принципами судопроизводства³⁸. Исторически наиболее действенным инструментом показал себя принцип состязательности. Как уже отмечалось выше, именно стороны как непосредственные участники материальных правоотношений могут с минимальными временными и денежными издержками определить подлежащие доказыванию фактические обстоятельства дела и, собственно, доказать их.

Таким образом, стремление к установлению объективной истины как таковое ни в коей мере не противоречит состязательности процесса. Однако еще Ф. Кляйн убедительно обосновал идею

³⁵ Жуйков В. М. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Росс. юстиция. 2003. № 6.

³⁶ Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 336.

³⁷ См.: Росс газ. 2008. 2 июля.

³⁸ Как указывает А. Т. Боннер, в современных условиях «изменились метод или методы достижения истины в процессе... единственным путем к установлению действительных обстоятельств дела должна стать подлинная состязательность сторон в представлении и исследовании доказательств под руководством хотя и беспристрастного, но всемерно заинтересованного в установлении истины суда» (см.: Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел // Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы / под ред. Н. А. Громиной. М., 2017. С. 54).

о том, что чистая состязательность, свойственная либеральному типу состязательного процесса, в некоторых случаях может оказаться препятствием на пути к истине. «Полагаться целиком на доказательственную деятельность сторон, — пишет О.П. Чистякова, — можно лишь в том случае, когда стороны равны не только в процессе, но и в жизни, т.е. равенство должно быть не только юридическим, но и фактическим»³⁹. Стороны должны быть не только равны в процессуальных правах, но и иметь равные способности по использованию процессуальных возможностей. Но очевидно, что на практике такое фактическое равенство является скорее недостижимым идеалом, нежели реальностью. С учетом этого иногда стороны в процессе ведут себя пассивно не потому, что не желают защищать свой интерес, а поскольку попросту не знают, на какие факты следует сослаться и какие доказательства представлять суду. Поэтому у суда должна быть возможность, сохраняя беспристрастность, направить процесс в правильное русло.

По нашему мнению, при анализе природы и направлений развития российского гражданского процесса необходимо также учитывать, что с принятием Конституции РФ 1993 г. получил конституционное закрепление принцип социального государства. В ч. 1 ст. 7 Конституции РФ его содержание сформулировано предельно абстрактно: политика России как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Примеры социальной защиты человека, которые содержатся в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ, прямого отношения к процессуальному праву не имеют. Однако из предшествующего анализа становится понятным, что социализация государства и права не ограничивается признанием и защитой социально-экономических прав и т.п. В широком смысле социальное государство — это то государство, в котором во главу угла поставлен человек; государство, которое обеспечивает баланс публичных и частных интересов в правовой системе.

Так, Т.Я. Хабриева указывает, что «социальное государство... призвано... обеспечить такую социальную компенсацию, которая позволила бы исключить возникновение социальных конфликтов вследствие неравномерного распределения ресурсов, не допуская правовой, социальной, культурной изоляции определенных социальных групп»⁴⁰. По мнению Е.В. Киричека, при характеристике достойной жизни в рамках социального государства необходимо использовать расширительное

толкование данного понятия, включающее не только материальные, но и нематериальные блага⁴¹. Представляется, что к числу таких благ можно отнести и доступ к правосудию, возможность лица защитить принадлежащее ему право в судебном порядке. В этом смысле активность суда, которая компенсирует фактическое неравенство сторон процесса, также является проявлением принципа социального государства. Поэтому неслучайно кляйновскую модель имеют социальным типом гражданского процесса. Таким образом, на наш взгляд, в современной России существует не только потребность в социализации процесса, но и корреспондирующее ей конституционное требование.

Теперь следует проанализировать то, каким образом указанное конституционное требование получило воплощение в текущем законодательстве. Прежде всего отметим, что сегодня в России действует не только Гражданский процессуальный кодекс РФ, но и Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Соответственно, российское законодательство дифференцирует роль суда в зависимости от того, являются ли сторонами процесса обычные граждане, хозяйствующие субъекты или же частный субъект и орган, наделенный публично-властными полномочиями. А.В. Аргунов отмечает, что «процесс должен следовать выбору критерия распределения благ в материальном праве... Так, например, арбитражный процесс, по всей видимости, должен и реально в большей степени воплощает идею свободы, нежели гражданский процесс... Процесс по социально значимым делам, по всей видимости, должен находиться на противоположном спектре дихотомии свобода — равенство, т.е. дальше от свободы и ближе к равенству, что, в свою очередь, должно влечь большую степень активности суда в процессе в сравнении с процессом по экономическим спорам»⁴². Таким образом, активная роль суда прежде всего является безусловно необходимой в делах с социальной составляющей, где одна из сторон может быть признана слабой, социально незащищенной по отношению к другой, сильной стороне (потребительские, трудовые, семейные и т.п. споры). В.В. Ярков также соглашается с тем, что и пределы активности суда по установлению объективной истины зависят от категории дел: «Так, в делах, связанных с рассмотрением споров о детях, вряд ли можно говорить о классической состязательности, учитывая

³⁹ Чистякова О.П. Указ. соч. С. 130.

⁴⁰ Цит. по: Арановский К.В., Князев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 85.

⁴¹ См.: Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России — социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7.

⁴² Аргунов А.В. Указ. соч.

необходимость повышенной правовой защиты несовершеннолетних лиц»⁴³.

Еще одна специфическая категория дел, на которую следует обратить особое внимание, — это дела, которые возникают из публичных правоотношений (но для которых законодатель, тем не менее, избрал исковую, цивилистическую форму процесса). Речь идет о делах, рассматриваемых по правилам КАС РФ. Как указано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами КАС РФ»⁴⁴, к административным делам по смыслу КАС РФ относятся дела, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику.

Нормы КАС РФ стали наглядным примером того, каким образом можно удачно имплементировать в современный процесс нормы об активности суда таким образом, чтобы они не подрывали его состязательный характер. В первую очередь обращает на себя внимание формулировка принципа состязательности в КАС РФ. В ст. 6 КАС РФ он именуется «принцип состязательности и равноправия сторон административного судопроизводства при активной роли суда». В ч. 2 ст. 14 КАС РФ за судом не только признаются полномочия по руководству судебным процессом и содействию сторонам в реализации ими своих процессуальных прав, но и предусмотрено, что суд принимает предусмотренные КАС РФ меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, в том числе для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств. Н.А. Громошина выделяет три проявления активности суда в рамках ч. 2 ст. 14: «Во-первых, суд не только создает условия, но и принимает меры, предусмотренные Кодексом. Во-вторых, требуется всестороннее и полное установление всех фактических обстоятельств по административному делу. В-третьих, суд выявляет и истребует доказательства по собственной инициативе»⁴⁵. Пожалуй, именно возможность истребования доказательств не только по ходатайству сторон, но и по инициативе самого суда является самым ярким отличием КАС РФ от других процессуальных кодексов.

⁴³ Ярков В. В. Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А. Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4.

⁴⁴ См.: Росс. газ. 2016. 3 окт.

⁴⁵ Громошина Н. А. О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4.

Происхождение анализируемых норм КАС РФ, которые можно условно рассматривать в качестве специальных по отношению к общим правилам ГПК РФ, объясняется довольно просто. Государство, которому оппонирует частное лицо в административном процессе, — это гигантская машина с огромными финансовыми ресурсами и аппаратом юристов с высоким уровнем подготовки, которая, к тому же, вправе применять принуждение к частным лицам, что по понятным причинам создает риск злоупотребления соответствующими полномочиями. Неспособность формального равенства обеспечить реальную состязательность и, как следствие, принятие правильного решения становится в данном случае настолько очевидной, что законодатель был вынужден предусмотреть своего рода «систему сдержек и противовесов» для процессуального равенства⁴⁶. При этом даже в административном процессе суд не должен становиться «представителем» той или иной стороны в процессе, выполняя инквизиционную функцию в отношении другой стороны. Его процессуальная активность, таким образом, все еще имеет субсидиарный характер.

Помимо анализа норм КАС РФ считаем важным более конкретно продемонстрировать проникновение социальных начал в ординарный гражданский процесс на примере некоторых правовых институтов. Их анализ также подтверждает, что социализация гражданского процесса связана не только с активной ролью суда и не только со стадией доказывания. Так, очевидным проявлением социализации процесса являются предусмотренные для некоторых категорий гражданских дел *правила альтернативной подсудности*. Речь идет о следующих категориях дел: дела о взыскании элементов и об установлении отцовства, о восстановлении пенсионных, жилищных, трудовых прав, о защите прав потребителей, а также иски о расторжении брака, если при истце находится несовершеннолетний или по состоянию здоровья выезд к месту жительства ответчика представляется для него затруднительным (ст. 29 ГПК РФ).

Соответствующие нормы предоставляют истцу возможность выбрать из нескольких судов тот, который будет для него удобнее с точки зрения территориального расположения. Если, например,

⁴⁶ Это особенно ярко проявляется даже не в вышеуказанных нормах, а в распределении бремени доказывания по делам об оспаривании нормативных правовых актов и актов, обладающих нормативными свойствами. Часть 2 ст. 62 КАС РФ закрепляет процессуальную презумпцию незаконности соответствующих актов: обязанность доказывания законности соответствующих актов, а также решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных публичными полномочиями, возлагается на соответствующий орган, организацию и должностное лицо.

потребитель уехал на непродолжительное время в отпуск в другой город и приобрел товар, который оказался некачественным, то для него было бы крайне неудобно в последующем предъявлять иск в суд по адресу организации. Это означало бы, что ему необходимо либо вновь совершить личный визит в другой город, либо найти в другом городе представителя; оба варианта могут быть связаны со значительными издержками. Поэтому в данном случае следует позитивно оценить закрепление законодателем дополнительных гарантий прав и свобод граждан.

Еще одним примером реализации социальных начал в гражданском процессе является участие в гражданском деле прокурора или лица, выступающего в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица (ст. 45–47 ГПК РФ). В исключительных случаях своим обращением в суд они могут восполнить отсутствие инициативы стороны материального правоотношения, а в некоторых других случаях — вступают в процесс для дачи заключения. В обоих случаях речь идет именно о реализации социальной функции гражданского процесса. Так, прокурор в рамках первой группы случаев защищает права социально уязвимых групп населения (которые не могут сами обратиться в суд по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и т.д.), в рамках второй — обеспечивает состоятельность по важнейшим социально значимым делам (которые затрагивают право на жилище, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, образование и т.д.) При этом когда речь идет о защите прав социально уязвимых лиц, прокурор может выступить в качестве процессуального истца без какого-либо уполномочивания со стороны того лица, чьи права он защищает.

Следует также обратить внимание на Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 387-ФЗ, которым в ч. 5 ст. 52 АПК РФ были внесены изменения, предусматривающие возможность вступления прокурора в дело в целях обеспечения законности, если в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются жилищные права граждан. Д.Я. Малешин также указывает на позитивную роль новелл Федерального закона от 18 июля 2019 г. № 191-ФЗ, связанных с введением в российское право института группового иска. Он отмечает, что «подавать иск в защиту социально незащищенных групп лиц сможет теперь не только прокурор или орган государственной власти, но и любой заявитель, проявляющий активность в гражданском процессе. Поэтому институт группового иска можно рассматривать как гарантию социального государства»⁴⁷.

⁴⁷ Малешин Д.Я. Новеллы групповых исков // Журнал рос. права. 2020. № 5. С. 101.

Одна из характерных черт отечественного процесса, которая представляет собой некоторое отступление от принципа диспозитивности в сторону социализации, — *несвязанность суда правовым основанием иска*. Это означает, что неправильная юридическая квалификация обстоятельств дела не должна влечь для него негативных последствий, поскольку правовую квалификацию ex officio осуществляет суд в силу принципа *jura novit curia* («суд знает право»). В настоящее время исследователи отмечают постоянно возрастающую сложность положений законодательства, в результате чего «язык даже самых простых законов сложнее языка произведений художественной литературы, даже самых сложных — классической немецкой философии»⁴⁸. В такой ситуации было бы несправедливо требовать точного знания и, что еще более важно, толкования применимых положений закона, в особенности от простых граждан. С учетом этого возможное незнание сторонами процесса правовых норм восполняется активностью суда как органа, который профессионально занимается применением права.

Несвязанность суда правовой квалификацией отношений сторон неоднократно подчеркивалась Верховным Судом РФ. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» установлено, что поскольку основанием иска являются фактические обстоятельства, то указание истцом конкретной правовой нормы в обоснование иска не является определяющим при решении судьей вопроса о том, каким законом следует руководствоваться при разрешении дела. Позднее в п. 9 постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» было указано, что, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения, а также и для отказа в удовлетворении заявленного требования. В п. 25 постановления от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции»⁴⁹ Пленум в очередной раз подтвердил, что даже в арбитражном процессе суд не связан правовой квалификацией правоотношений, предложенной лицами, участвующими в деле.

⁴⁸ Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Н.Л. Григорьева, А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М., 2020. С. 78.

⁴⁹ См.: Росс. газ. 2022. 14 янв.

* * *

Подводя итог вышеизложенному, можно сформулировать вывод о том, что с конца XIX в. общепризнанным путем развития гражданского процесса в государствах континентальной Европы постепенно становится его социализация. Данный процесс был связан с недостатками либерального типа процесса, его неспособностью обеспечить должный уровень защиты прав социально уязвимых групп населения. По внешним признакам некоторые из начавшихся изменений выглядели как привнесение в процесс следственных начал, однако активность суда в социальном типе процесса носит субсидиарный характер, поскольку имеет своей целью лишь восполнение недостающей активности самих сторон (но не заменяет ее полностью). Даже отечественные ГПК 1923 и 1964 гг., несмотря на существенное изменение понимания принципов состязательности и диспозитивности под влиянием социалистической идеологии и концепта объективной истины А.Ф. Клейнмана, сохранили их в качестве общего правила и в этом смысле сохраняли связь с континентальным правом. Критика советских кодексов современными учеными нередко основывается на устаревших догматах либеральной модели, от которых отказались ведущие европейские правовые порядки, и в силу этого не всегда является обоснованной.

Что касается текущего положения дел в Российской Федерации, то нами было продемонстрировано, что в настоящее время целый ряд институтов российского права воспроизводят логику социализации гражданского процесса. Отдельно следует еще раз отметить принятый в 2015 году КАС РФ, который основывается на классических принципах гражданского судопроизводства, но удачно модифицирует их с учетом специфики споров, вытекающих из публичных правоотношений. С учетом этого представляется, что текущее законодательное регулирование в целом заслуживает положительной оценки. Российскому законодателю удалось найти баланс между противоположными идеологическими полюсами, не подрывая фундамент процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненков К.Н.* Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. II. О доказательствах. СПб., 1887. С. 17, 19.
2. *Арановский К.В., Князев С.Д., Хохлов Е.Б.* О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 85.
3. *Аргунов А.В.* О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Боннер А.Т.* Избр. труды: в 7 т. Т. 3. Принципы гражданского процессуального права. Применение нор-

- мативных актов в гражданском процессе. М., 2022. С. 77, 82, 83.
5. *Боннер А.Т.* Установление обстоятельств гражданских дел // Цивилистический процесс современной России: проблемы и перспективы / под ред. Н.А. Громошиной. М., 2017. С. 54.
6. *Боровиковский А.Л.* Отчет судьи. Т. 3. Дела мужичьи. СПб., 1909. С. 27, 30.
7. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса. М., 2016. С. 336, 353, 444.
8. *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 204.
9. *Громошина Н.А.* О принципе активности суда в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 4.
10. *Жуйков В.М.* Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Росс. юстиция. 2003. № 6.
11. *Золотова О.И.* Реформирование гражданского судопроизводства в России в конце XIX века: признаки социализации // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 6. С. 1033.
12. *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 17, 18.
13. *Киричек Е.В.* Конституционная парадигма достойной жизни в России – социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7.
14. *Клейнман А.Ф.* Гражданский процесс: учеб. для школ и курсов. М., 1940. С. 26–28.
15. *Клейнман А.Ф.* Предмет науки советского гражданского процессуального права // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 61.
16. *Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс: учеб. М., 1954. С. 55.
17. *Котловская Я.С., Хлопаева М.Е.* Историческое развитие некоторых принципов гражданского процессуального права советского периода и современной России // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12.
18. *Лазарев С.В.* Судебное управление движением дела в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 68, 76.
19. *Ленин В.И.* О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.Н. Курскому: 17 мая 1922 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398.
20. *Малешин Д.Я.* Гражданская процессуальная система России. М., 2011.
21. *Малешин Д.Я.* Новеллы групповых исков // Журнал рос. права. 2020. № 5. С. 101.
22. *Сахнова Т.В.* Actio – litis contestatio – res iudicata – jus: в контексте реформ континентального процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4.
23. *Сахнова Т.В.* О единстве цивилистического процесса в контексте законодательных реформ и исторического опыта // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3.
24. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Н.Л. Григорьева, А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М., 2020. С. 78.

25. *Чистякова О.П.* Проблема активности суда в гражданском процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 40, 130.
26. *Ярков В.В.* Роль суда в установлении обстоятельств дела сквозь призму исследований профессора А.Т. Боннера // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4.
27. *Rechberger W.H.* Die Ideen Franz Kleins und ihre Bedeutung für die Entwicklung des Zivilprozessrechts in Europa // *Ritsumeikan Law Review*. 2008. No. 25. P. 103.
28. *Rhee van C.H.* Civil Litigation in Twentieth Century Europe // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 2007. Vol. 75. No. 3. P. 309.
29. *Števček M., Gábriš T.* The Recast Civil Procedure and Legacy of Franz Klein in the Slovak Republic // *European Journal of Transformation Studies*. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 108.
13. *Kirichek E.V.* Constitutional paradigm of a decent life in Russia – a social state // *Constitutional and Municipal Law*. 2023. No. 7 (in Russ.).
14. *Kleinman A.F.* Civil Procedure: textbook for law schools and courses. M., 1940. Pp. 26–28 (in Russ.).
15. *Kleinman A.F.* The subject of science of Soviet Civil Procedural Law // *Soviet State and Law*. 1940. No. 3. P. 61 (in Russ.).
16. *Kleinman A.F.* The Soviet Civil pPocess: textbook. M., 1954. P. 55 (in Russ.).
17. *Kotlovskaya Ya. S., Khlopaeva M.E.* The historical development of some principles of Civil Procedural Law of the Soviet period and modern Russia // *Arbitration and Civil Procedure*. 2006. No. 12 (in Russ.).
18. *Lazarev S.V.* Judicial management of the case in the civil process: theoretical problems: dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2024. Pp. 68, 76 (in Russ.).
19. *Lenin V.I.* On the tasks of the People's Commissariat of Justice in the context of the new economic policy. Letter to D.N. Kursky: May 17, 1922 // *Lenin V.I. The complete works*. Vol. 44. P. 398 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Annenkov K.N.* The experience of commentary on the Statute of civil proceedings. Vol. II. On evidence. St. Petersburg, 1887. Pp. 17, 19 (in Russ.).
2. *Aranovsky K.V., Kryazev S.D., Khokhlov E.B.* On human rights and social rights // *Comparative Constitutional Review*. 2012. No. 4. P. 85 (in Russ.).
3. *Argunov A.V.* On the relationship between political ideology and procedural law // *SPS "ConsultantPlus"* (in Russ.).
4. *Bonner A.T.* Selected works: in 7 vols. Vol. 3. Principles of Civil Procedural Law. Application of normative acts in Civil Proceedings. M., 2022. Pp. 77, 82, 83 (in Russ.).
5. *Bonner A.T.* Establishing the circumstances of civil cases // *Civil process of modern Russia: problems and prospects* / ed. by N.A. Gromoshina. M., 2017. P. 54 (in Russ.).
6. *Borovikovskiy A.L.* Judge's report. Vol. 3. The affairs of the peasants. St. Petersburg, 1909. Pp. 27, 30 (in Russ.).
7. *Vaskovsky E.V.* Course of Civil Procedure. M., 2016. Pp. 336, 353, 444 (in Russ.).
8. *Voronov A.F.* Principles of Civil Procedure: past, present, future. M., 2009. P. 204 (in Russ.).
9. *Gromoshina N.A.* On the principle of court activity in administrative proceedings // *Herald of Civil Procedure*. 2019. No. 4 (in Russ.).
10. *Zhuikov V.M.* The principle of adversarial proceedings in civil proceedings // *Ross. Justice*. 2003. No. 6 (in Russ.).
11. *Zolotova O.I.* Reformation of civil procedure in Russia at the end of the XIX century: signs of socialization // *Actual problems of Russ. law*. 2014. No. 6. P. 1033 (in Russ.).
12. *Karapetov A.G.* Economic analysis of law. M., 2016. Pp. 17, 18 (in Russ.).
20. *Maleshin D. Ya.* Civil procedural system of Russia. M., 2011 (in Russ.).
21. *Maleshin D. Ya.* Novellas of class actions // *Journal of Russ. law*. 2020. No. 5. P. 101 (in Russ.).
22. *Sakhnova T.V.* Actio – litis contestatio – res iudicata – jus: in the context of reforms of the continental process // *Arbitration and Civil Procedure*. 2011. No. 4 (in Russ.).
23. *Sakhnova T.V.* On the unity of the Civil Process in the context of legislative reforms and historical experience // *Herald of the Civil Procedure*. 2023. No. 3 (in Russ.).
24. The complexity of Russian laws. The experience of syntactic analysis / N.L. Grigorieva, A.V. Knutov, S.M. Plaksin et al. M., 2020. P. 78 (in Russ.).
25. *Chistyakova O.P.* The problem of court activity in the civil procedure of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 1997. Pp. 40, 130 (in Russ.).
26. *Yarkov V.V.* The role of the court in establishing the circumstances of the case through the prism of research by Professor A.T. Bonner // *Herald of Civil Procedure*. 2022. No. 4 (in Russ.).
27. *Rechberger W.H.* Die Ideen Franz Kleins und ihre Bedeutung für die Entwicklung des Zivilprozessrechts in Europa // *Ritsumeikan Law Review*. 2008. No. 25. P. 103.
28. *Rhee van C.H.* Civil Litigation in Twentieth Century Europe // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 2007. Vol. 75. No. 3. P. 309.
29. *Števček M., Gábriš T.* The Recast Civil Procedure and Legacy of Franz Klein in the Slovak Republic // *European Journal of Transformation Studies*. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 108.

Сведения об авторе

МОМОТОВ Виктор Викторович –
доктор юридических наук, профессор,
секретарь Пленума Верховного Суда РФ;
121260 г. Москва, ул. Поварская, д. 15, стр. 1

Authors' information

МОМОТОВ Victor V. –
Doctor of Law, Professor,
Secretary of the Plenum of the Supreme
Court of the Russian Federation;
15, bld. 1 Povarskaya str., 121260 Moscow, Russia